

Дж.М. Тревельян

**Социальная история
Англии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д40

Д40 **Дж.М. Тревельян**
Социальная история Англии / Дж.М. Тревельян – М.: Книга по Требованию,
2012. – 608 с.

ISBN 978-5-458-28515-5

В книге собран богатый фактический материал социально-экономического, бытового и культурно-идеологического характера. На его основе дается широкая картина истории Англии XIV-XIX веков.

ISBN 978-5-458-28515-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

автор принимает надстроечные явления за основные, определяющие, объясняя религиозными, политическими и философскими идеями все социально-экономические и политические перемены той или иной эпохи (так, например, объясняется им гражданская война 1640—1660 годов, политические успехи Англии в XVIII веке и т. д.). Иногда роль основной причины у Тревельяна играют стихийные бедствия (например, чума, или «черная смерть», предшествовавшая народному движению 1381 года).

Несмотря на этот вульгарный плюрализм и явную склонность отдавать предпочтение идеологическому и психологическому факторам в истории перед экономическим, Тревельян все же интересуется в известной степени и ростом производительных сил, и экономическими отношениями, и историей различных классов общества. Однако содержание «социальной истории» Тревельян определяет по-своему. «Социальная история», по его мнению, — это нечто промежуточное между экономической и политической историей. «Ее сфера, — пишет он во введении, — может быть определена как повседневная жизнь населения данной страны в прошедшие времена; она охватывает как общечеловеческие отношения, так и экономические отношения разных классов друг к другу, характер семейных отношений, домашний быт, условия труда и отдыха, отношение человека к природе, культуру каждой эпохи...» (см. стр. 15—16 данной книги). Таким образом, если в нашем марксистском понимании социальная история есть прежде всего история различных классов, их противоположностей и классово-борьбы, то у Тревельяна этот термин, по существу, означает преимущественно *историю быта и культуры**. Тревельян намеренно суживает понятие социальной истории в своем изложении; больше того, он, как правило, старается избегать показа острых социальных конфликтов — восстаний, революций, народных движений и т. п. Характерно, что автор, в свое время сам специализировавшийся на истории восстания Уота Тайлера, весьма бегло упоминает об этом событии в своей «Социальной истории Англии», хотя казалось бы, что в первой главе — «Англии времен Чосера» — было бы особенно уместно полнее осветить события грандиозного восстания 1381 года.

Нельзя согласиться и с трактовкой Тревельяном истории Англии XVII века. Тревельян отказывается видеть революцию в событиях гражданской войны середины XVII века и явно недооценивает ее социальных последствий, отдавая предпочтение перевороту 1688 года, который он считает «образцовой революцией», обеспечившей победу конституционного строя Англии. Но в событиях 40-х годов XVII века активную роль играли народные массы, в перевороте же 1688 года они не участвовали.

* Тревельян вовсе не одинок в этом отношении. Среди современных английских историков укажем, например, на работы известного историка Роуза (A. L. Rowse, *The Elizabethan England I—II*, 1950—1955).

Это и объясняет разное отношение либерального историка к этим двум историческим фактам.

В истории XIX века Тревельян ухитрился ничего не сказать о чартизме, этом замечательном рабочем движении Англии, в котором социальный вопрос наряду с политическим играл, несомненно, громадную роль. Политическое по форме, чартистское движение было глубоко социальным по существу, как это неоднократно подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, а в дальнейшем и В. И. Ленин.

Таким образом, с точки зрения методологии «Социальная история Англии» обнаруживает все обычные пороки буржуазной социологии. Но книга Тревельяна не просто историческая книга, а своего рода историко-художественное произведение. «Социальная история Англии» написана живым, художественным, увлекательным языком. Тревельян считает, что историк, подобно писателю-беллетристу, должен обладать силой «исторического воображения». «В сущности, обаяние истории заключается в силе воображения», — пишет он во введении (стр. 16). Как историк-художник, Тревельян продолжает давнюю английскую (впрочем, она была и во Франции) традицию историков-романтиков, которые требовали от исторического произведения прежде всего художественности. Во введении Тревельян называет в качестве своих предшественников Томаса Карлейля (1795—1881) и Вальтера Скотта (1771—1832), писавших именно в таком стиле, живым, красочным языком. Но он мог бы с полным правом упомянуть среди них и своего дядю лорда Маколея (1800—1859), известного английского историка, литературного критика и писателя середины XIX века, отличавшегося своим ученым красноречием. Главная историческая работа Маколея «История Англии от восшествия на престол Якова II» оказала несомненное влияние на молодого Тревельяна. (Сам Тревельян является большим знатоком английской художественной литературы, начиная с ее древних образцов и особенно произведений классиков—Шекспира, Мильтона, Свифта, Дефо и др.) Однако не кто другой, как лорд Маколей своими историческими произведениями способствовал и фальсификации английской истории XVII века, что в свое время резко подчеркивал К. Маркс¹. Как видно, и эта тенденция «приукрасить», а порой прямо фальсифицировать социальную историю Англии в интересах либералов также передалась «по наследству» Дж. Тревельяну.

Читая настоящую книгу Тревельяна, следует помнить, что это отнюдь не история классовых отношений в Англии, но преимущественно лишь история быта. Начиная со второй половины XIV и до начала XX века автор знакомит читателя с теми изменениями, какие происходили в образе жизни англичан различных классов сельской и городской Англии. Наиболее колоритно

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 721, Госполитиздат, 1953.

Тревелияну удалось показать быт дворянства, а особенно среднего и провинциального, на разных этапах его развития. Громадное количество сохранившихся документальных источников о жизни и быте этого класса (в частности, мемуары и письма) облегчало задачу автора. Но в книге ярко отразился и быт поднимавшейся буржуазии. Особенно следует отметить это в отношении буржуазии Лондона. Вообще столице Англии, ее росту, архитектуре, внешнему виду сел и городов и особенно «деловой» — торговой и промышленной — жизни Лондона уделено в книге очень большое внимание, причем автором привлечен местами ценный статистический материал. Жизнь народных масс — в первую очередь крестьянства — нашла также некоторое отражение в книге, но недостаточно равномерное. Тревелиян показывает больше быт зажиточной части крестьян-иоменов, а также крупных фермеров, превращавшихся с течением времени в типичную сельскую буржуазию. Деревенская же беднота, пауперы, автором показана менее полно. Объясняется это тем, что Тревелиян определенно не хочет сказать правду об «ужасах» первоначального накопления, показать такие картины, как экспроприация крестьянства, распространение пауперизма, массовая безработица и т. д. Признавая факт распространения пауперизма в Англии XVI—XVII веков, Тревелиян в то же время считает, что правительственных законов о пауперах было вполне достаточно для того, чтобы парализовать это общественное бедствие. В действительности законодательство Тюдоров по вопросу о пауперизме было настолько же жестоким, насколько и неэффективным в смысле «радикального излечения» от этого общественного зла. Тревелиян довольно ярко изображает промышленный переворот, появление новой машинной техники, начало фабричного производства. В связи с этим он останавливается несколько и на жизни ранних фабричных рабочих. Но тем не менее место, отведенное в книге для изображения быта рабочих, пропорционально весьма невелико, оно гораздо меньше места, отведенного крестьянству, не говоря уже о дворянстве или буржуазии. В ряде случаев автор отмечает тяжелое положение фабричных и заводских рабочих (например, шотландских рудокопов), говорит о выступлениях рабочих против машин (луддиты), но общая тенденция Тревелияна в изложении этого вопроса — аргументация тезиса о том, что положение английских рабочих будто бы быстро улучшилось в XIX веке; наиболее острой борьбы рабочих с буржуазией, в форме чартизма, как уже отмечалось выше, Тревелиян даже совсем не коснулся, просмотрев, по существу, самое яркое событие в социальной жизни Англии первой половины XIX века. Некоторый материал о жизни рабочих дается автором в последующих главах при освещении истории тред-юнионов, но и здесь он лишь бегло касается этого вопроса.

Большее внимание Тревелияном уделено быту народных масс Уэльса и Шотландии. Экзотика сохранившегося до позднего

времени первобытно-общинного строя в этих окраинах заинтересовала Тревельяна, и он сумел дать яркую контрастную картину жизни шотландцев и уэльсцев по сравнению с более развитой собственно Англией. Но ирландский материал автором намеренно опущен, хотя история Ирландии в течение всего периода XIV—XIX веков была тесно связана с историей Англии, а своеобразие ирландского классового строя могло бы значительно пополнить картину той «первобытности», которую Тревельян описал по материалам Шотландии и Уэльса. Превращение в XX веке Ирландии в самостоятельное государство, с одной стороны, и неприглядные стороны английского владычества в Ирландии в прошлом—с другой, заставили Тревельяна опустить эту чрезвычайно интересную, но щекотливую для современного английского историка тему.

Кроме истории быта, в книге Тревельяна дается обильный материал по истории английской культуры. История английской литературы и театра, архитектуры и изобразительного искусства, история философии и общественной мысли, история университетского и школьного образования в Англии—все это дается Тревельяном с большим знанием материала, яркими примерами, подчеркиванием наиболее замечательных перемен и достижений для каждого отдельного столетия или периода. Особенно полно охарактеризовано Тревельяном английское Просвещение XVIII века, напрасно только автор приписывает его успехи деятельности английской аристократии. В подавляющей своей части английская правящая аристократия XVIII века была глуха к передовым просветительным и освободительным идеям, что доказывается прежде всего тем упрямым, упорным сопротивлением каким бы то ни было реформам, какое было характерно для английской аристократии второй половины XVIII века.

В «Социальной истории» Тревельяна много места занимает история религии и церкви в Англии в названный период (XIV—XIX века). Принадлежит к числу «свободомыслящих» историков, Тревельян в общем довольно реалистически изображает процесс развития как государственной английской церкви, так и многочисленных английских сект, начиная с пуританства и квакерства и кончая методистами. По существу, факты, приводимые Тревельяном, показывают некоторые особенности развития религии и церковных организаций в условиях феодализма и в буржуазном обществе, зависимость этого развития от изменения экономических и социально-политических условий. В частности, в них ясно видна связь англиканизма с английским дворянством, а различных английских сект—с городской буржуазией. Но в ряде случаев Тревельян явно переоценивает религиозно-церковный момент, приписывая ему роль ведущей силы общества. Это сказалось, как уже было указано выше, прежде всего в трактовке английской буржуазной революции середины XVII века. Тревельян считает, что причинами гражданской войны 1640—1660 годов

были исключительно религиозные разногласия, что пуритане боролись в ней за свои религиозно-политические идеалы; социальных конфликтов Тревельян в гражданской войне не видит (см. стр. 253). Вместе с Гардинером, известным специалистом по истории английской революции XVII века, Тревельян считает события 1640—1660 годов исключительно «пуританской революцией».

Так же явно преувеличивает Тревельян значение так называемого «церковного возрождения» в Англии XIX века. По мнению Тревельяна, весь период 1832—1901 годов был отмечен в Англии повышенным интересом к религиозным вопросам (стр. 512); он утверждает, что в этот период окрепла англиканская церковь и возродился старый пуританский дух в деловых кругах Лондона (английская «самодисциплина»—старое наследие пуританства). В действительности это религиозно-церковное возрождение происходило в довольно узких рамках и носило относительно поверхностный характер. Рост светской мысли в XIX веке усилился. Тревельян сам должен констатировать глубокий кризис религии в Англии начиная с 60-х годов: «Борьба бушевала в течение 60-х, 70-х и 80-х годов. Она затронула всю веру в сверхъестественное, охватывая и все содержание Нового завета. Интеллигенция под давлением этого конфликта становилась все больше антиклерикальной, антирелигиозной и материалистической» (стр. 563). Но и до 60-х годов наиболее радикальные лидеры чартизма, а также представители английского социализма—оуэнисты и другие—развивали в своих произведениях материалистические взгляды; в их трактатах содержалось немало выпадов не только против государственной английской церкви и отдельных сект, но и вообще против религии.

Тревельян стремится ограничить содержание своей работы исключительно рамками по-своему понимаемой им «социальной» истории, не затрагивая политической истории. В действительности, конечно, автору не удалось достигнуть этого. В ряде случаев Тревельян неизбежно вторгается в сферу «политики». Так, например, в этой книге дана характеристика английского государственного строя, анализ политических последствий «пуританской революции» 1640—1660 годов и переворота 1688 года, ясно выявилось и отношение автора к парламентской реформе 1832 года и другим реформам первой и второй половины XIX века. В самом этом факте внимания «социального историка» к политической истории нет ничего предосудительного. Социальная и политическая истории органически связаны друг с другом. Беда в том, что в трактовке политических вопросов истории Англии Тревельяном имеются крупнейшие недостатки, обычные для либеральной исторической школы. Прежде всего очень навязчиво в книге выступает много раз подчеркиваемый (но тем не менее совсем не убедительный) тезис Тревельяна о том, что Англия всегда была идеальной страной свободы, что в ней всегда будто бы господствовала «традиция власти закона и свободы подданных» (стр. 381).

Еще в XVI веке королева Елизавета «была символом единства, процветания и свободы» страны (стр. 161). Весь XVIII век с его господством аристократических партий тории и вигов был, по Тревельяну, «веком аристократии и свободы» (стр. 356). Наряду с традицией «свободы» через всю историю Англии, по мнению Тревельяна, красной нитью проходит стремление к компромиссам; это «открытое» им стремление он склонен рассматривать как национальную черту англичан (стр. 564). Наконец, Тревельян видит в истории Англии образец «счастливой истории». Вся история Англии, за немногими исключениями, представляет собой сочетание счастливых периодов—«золотых веков», по терминологии Тревельяна. Так, по его мнению, «золотым веком» был для массы английского крестьянства «консервативный XV век» (стр. 76 и 84). Далее «золотым веком» Англии был век Шекспира, то есть елизаветинской Англии (стр. 195). «Классическим», исполненным мудрости и «счастливой уверенности» был для Англии XVIII век (стр. 356). В «счастливое состояние» Англия еще раз вступает в середине XIX века—в век «реформы» (1832—1867) и далее в период «Викторианского процветания» (стр. 547 и 579). Ясно, что за этими высокопарными фразами кроется стремление автора приукрасить грубую историческую действительность. Какая свобода могла быть в Англии при Тюдорах в XVI веке, когда Генрих VIII отправил на эшафот множество людей, включая представителей самой знати? Да и при Елизавете казни производились сотнями (например, после подавления Северного восстания 1569—1570 годов). Можно ли вообще назвать XVI век счастливым для народных масс Англии, когда массы крестьян-тружеников систематически лишались своих средств производства, безжалостно изгонялись со своих родных мест и превращались в бездомных бродяг-пауперов? Как можно прославлять свободу Англии в XVIII веке, когда известно, что английская аристократическая олигархия жестоко преследовала в этом столетии все демократические и национально-освободительные движения у себя дома (английские и шотландские якобинцы, ирландское национальное движение), а за границей возглавила контрреволюционную борьбу против Французской республики?

С другой стороны, о каком компромиссе могла идти речь в эпоху великой английской революции XVII века, когда был казнен по приговору революционного трибунала король Карл I, когда Англия была провозглашена республикой, а затем в стране на довольно длительный срок установился суровый режим буржуазной военной диктатуры?

Своеобразную позицию занимает Тревельян в отношении колониальной политики. Оговаривая, что этот вопрос не входит в содержание его книги, поскольку он (автор) интересуется лишь внутренними отношениями Англии (стр. 578), Тревельян тем не менее показывает свое отношение и к колониализму. Оно вполне типично для английских либералов. Не выступая прямо с призы-

вом к захвату колоний (Тревельян осуждает джингоизм и в одном месте даже употребляет традиционную фразу Фритредеров о колониях как «бремени империи»—стр. 162), автор «Социальной истории» все же принимает колониальную систему как таковую и с удовлетворением констатирует мощь Англии как колониальной державы во второй половине XIX века (стр. 578—579). Одновременно Тревельян развивает явно антиисторическую концепцию, утверждая, что Англия будто бы вовсе и не искала колоний, что она всегда проявляла по отношению к колониям и другим странам полное миролюбие (!), что жители колоний будто бы сами «добровольно» признавали власть англичан (!)..

Так, например, еще в XVI веке Англия, по Тревельяну, боролась с Испанией вовсе не за проникновение в колонии и вытеснение Испании из них, а только потому, что она хотела установить право свободного плаванья для себя «по всем морям» (стр. 216). В Индию английские купцы будто бы пришли с совершенно мирными торговыми целями и только вследствие беспорядков в Индостане они «невольно были втянуты в войну и стали на путь завоеваний, чтобы спасти свою торговлю от индийской и французской агрессии...» (стр. 238). В течение всей первой половины XIX века, от Ватерлоо до Крымской войны, Англия, пишет Тревельян, не вела больших войн, и именно это, уверяет он, обеспечило процветание ее экономики (стр. 512 и 547). О колонизаторских войнах, которые Англия вела в этот период в Индии, Китае, Афганистане и в других странах, Тревельян совершенно забывает. Особенно странно звучит фраза в конце книги, где изображается обстановка, относящаяся уже к концу XIX века,—что «в целом наше [то есть британское] господство на океанах и вдоль берегов всего света использовалось в XIX веке для защиты мира, доброй воли и свободы» (стр. 580). И это в то время, когда происходил раздел мира между капиталистическими государствами, когда Англия систематически, из десятилетия в десятилетие, расширяла свои владения в Азии и Африке, на островах Атлантического и Великого океанов, а также и в Средиземном море (о Кипр, Суэц и т. д.)! Поистине история Англии как колониальной империи показывается здесь в кривом зеркале!

Последняя глава «Социальной истории» содержит интересный материал по вопросу об аграрном кризисе, разразившемся в Англии во второй половине XIX века в результате конкуренции американского хлеба. В то же время Тревельян отмечает уже начавшуюся промышленную конкуренцию США и Германии, серьезно угрожавшую Англии как капиталистической державе. Но на рубеже XIX—XX веков Англия еще сохраняла свою торговую гегемонию на океанических и морских путях, в ее руках были многочисленные колонии, разбросанные в различных частях света, она была «империей, в которой никогда не заходит солнце» (стр. 578). Тревельян сознавал, что новый, XX век несет Англии большие испытания. Поэтому в своей «Социальной истории» он

доводит изложение событий до конца XIX века, или, как выражается сам автор, до «конца века железных дорог» (стр. 581).

Таковы сильные и слабые стороны книги Тревельяна. Книга привлекает внимание обилием фактического материала, она интересна тем, что посвящена вопросам истории быта и культуры Англии, менее известным, чем ее политическая история. Книга блестяще написана с точки зрения литературного стиля и художественной композиции. В то же время она заключает в себе чрезвычайно много методологических дефектов. Тревельян незаконмерно, с точки зрения историка гражданского общества, суживает понятие «социальной истории», уклоняясь от вопросов классовой борьбы и социальных движений. Он приукрашивает социально-экономическую историю Англии, изображая ее как почти непрерывный период процветания, всеобщего богатства, «золотого века». Он идеализирует конституцию, парламентский строй Англии и «свободу» британских подданных. Внутренняя «социальная история» Англии хотя в какой-то мере и связывается автором с ее внешней историей—кратко характеризуется состояние колоний, приводятся факты, дающие представление об океанической торговле, эмиграции в колонии и т. д.,—но самое отношение метрополии к колониям представлено автором в искаженном виде. Вместо признания факта насильственного захвата колоний английской буржуазией Тревельян говорит о каком-то «традиционном миролюбии» Англии и о «счастливым» состоянии империи, которой будто бы «в интересах свободы» управляет «маленький остров» Англия; все это явно противоречит общеизвестным историческим фактам и особенно наглядно опровергается происходящим на наших глазах распадом Британской колониальной империи.

Из всего сказанного выше ясно, что изучение данного труда Тревельяна требует от читателя серьезного внимания и критического отношения к методологическим установкам ее автора, к его многочисленным ошибочным оценкам различных сторон английской истории названных шести столетий. В то же время богатый фактический материал, содержащийся в книге, особенно сведения по истории английской культуры последних столетий, может принести большую пользу всем изучающим историю Англии: преподавателям, аспирантам и студентам исторических и историко-филологических факультетов наших университетов и педагогических институтов и многим другим. Да и ознакомление еще на одном примере с методологическими приемами современной буржуазной историографии также принесет, на наш взгляд, определенную пользу советскому читателю.

Профессор В. Семенов

ВВЕДЕНИЕ

Хотя я и пытался довести эту книгу до современности (1941 год), излагая события в свете новейших исследований, однако почти вся она была написана до войны. Я тогда имел в виду охватить социальную историю Англии с времен древнего Рима и до нашего времени, но отложил напоследок ту часть ее, которая была бы наиболее трудной для меня: столетия, предшествующие XIV веку. Война не позволила мне закончить работу, но мне пришла в голову мысль, что главы, которые я уже написал, излагающие последовательную историю шести столетий, от XIV до XIX, могут сами по себе представлять интерес для некоторых читателей.

Социальная история может быть определена отрицательно: как история народа, из которой исключена политическая история. Может быть, трудно исключить политическую историю из истории любого народа и особенно английского народа. Но так как до сих пор слишком много было написано исторических книг, состоящих из политических анналов, лишь с незначительными ссылками на социальное окружение, то обратный метод может быть полезен для того, чтобы восстановить равновесие. Уже в период моей жизни возникло третье весьма бурно развивающееся направление—экономическая история, которая очень помогает серьезному изучению социальной истории, потому что социальные явления порождаются экономическими условиями почти в такой же степени, как политические события в свою очередь порождаются социальными условиями. Без социальной истории экономическая история бесплодна и политическая история непонятна.

Но значение социальной истории заключается не только в том, что она составляет необходимое звено между экономической и политической историей. Она и сама по себе имеет также определенную ценность и свое особое значение. Ее сфера может быть определена как повседневная жизнь населения данной страны в прошедшие времена; она охватывает как общечеловеческие отношения, так

и экономические отношения разных классов друг к другу, характер семейных отношений, домашний быт, условия труда и отдыха, отношение человека к природе, культуру каждой эпохи, возникавшую из этих общих условий жизни и принимавшую непрерывно меняющиеся формы в религии, литературе и музыке, архитектуре, образовании и мышлении.

Насколько же глубоко можем мы познать действительную жизнь людей в каждой последующей эпохе прошлого? Историки и антиквары собрали путем кропотливого изыскания огромное количество сведений и опубликовали бесчисленное количество официальных документов, писем и дневников: всей человеческой жизни не хватило бы, чтобы прочесть их; однако даже эта масса знаний мала по сравнению со всей совокупностью фактов социальной истории, которую можно было бы познать полностью лишь в том случае, если бы мы знали биографии всей многомиллионной массы мужчин, женщин и детей, живших в Англии. Обобщения, являющиеся основным капиталом историка-социолога, непременно должны быть основаны на небольшом числе частных примеров, которые принимаются как типичные, хотя и не дают полной картины всей сложной действительности.

И если даже вся масса накопленных знаний незначительна по сравнению с необъятностью темы, то нетрудно представить, как ничтожно мала та совокупность фактов, которую я смог отобрать из всей этой массы и изложить в этом томе, состоящем из 200 тысяч слов и охватывающем целые шесть столетий многообразной и изумительной жизни Англии. Однако лучше иметь пусть даже миллионную долю булки, чем быть совсем без хлеба. Она может по крайней мере возбудить аппетит. Эта книга выполнит свое назначение, если она возбудит, хотя бы у немногих, более сильное желание изучать литературу и документы прошлого.

Бескорыстная уместная любознательность есть жизненная основа подлинной цивилизации. Социальная история представляет собой одну из ее лучших форм. Я считаю, что, в сущности, обаяние истории заключается в силе воображения. Наше воображение жаждет увидеть наших предков такими, какими они были в действительности,—занятыми своими повседневными делами и наслаждающимися доступными им удовольствиями. Карлейль назвал антиквара или историка-исследователя «ученым сухарем» («Dryasdust»). А «ученый сухарь», в сущности,—поэт. Ему, возможно, трудно дать почувствовать окружающим ту поэзию, которую он сам находит в историческом архиве. Но главным импульсом его деятельности является желание ощутить реальность жизни прошлого, ознакомиться с «хроникой исчезнувших эпох» ради «умерших леди и прекрасных рыцарей».

Вальтер Скотт начал свою литературную жизнь как «ученый сухарь»—как любитель старины,—потому что именно здесь он мог найти больше всего поэзии и больше всего романтики. Карлейль, как каждый крупный историк, сам был «ученым сухарем».